

ВЛАДИМИР СТАРК

ТЕОРИЯ
ПРАВСТВЕННОСТИ

2022 А.Д.

Владимир Старк

Теория нравственности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70023898

SelfPub; 2023

Аннотация

Всё что Вы хотели знать о добре и зле, но не знали у кого спросить...

Содержание

Определение нравственного	4
Три кодекса	4
Трудности определения нравственного	10
Классификация нравственного	15
Определения добра и зла	17
Любовь – эгоизм	18
Проявления любви и эгоизма	18
Эмпатия	21
Клановый эгоизм	25
Совесьть – бессовестность	29
Скромность – гордость	36
Определение гордости	36
Зависть – обратная сторона гордости	41
Лицемерность гордости	45
Великодушие – гнев	48
Механизм конфликта	48
Прощение – условие мира	50
Нравственность насилия	52
Умеренность – невоздержанность	55
Безысходность невоздержанности	55
Желания и нравственная деградация	59
В заключение	62
Лицемерие. – Искренность	62

Владимир Старк

Теория нравственности

«Проповедовать мораль легко, обосновать ее трудно».

Артур Шопенгауэр

Определение нравственного

Три кодекса

Социальный порядок в любом человеческом сообществе определяется тремя поведенческими регламентами...

а) Право. Установленные государством общеобязательные нормы поведения, необходимость исполнения которых основана на страхе перед «государственным» наказанием.

б) Мораль. Сформировавшиеся в обществе общепринятые нормы поведения (приличия, условности, традиции, обычаи, этикет) необходимость исполнения которых основана на страхе перед общественным осуждением (перед стыдом).

в) Нравственность. Нормы поведения, определяемые личным нравственным чувством (совестью), необходимость ис-

полнения которых основана только на нравственной ответственности перед самим собой.

Таким образом, этичность человеческого поведения определяется страхом, стыдом и совестью, и пропорции этих мотиваций могут очень сильно различаться.

Страх перед общественным мнением и совесть – это две принципиально разные поведенческие мотивации, разделяющие область морали и область нравственного. Хотя многие полагают, что общественное мнение – это и есть действие совести, а равно и её источник.

К сугубо нравственным можно отнести лишь те проявления доброй воли, этическая оценка которых окружающими не предполагается. Невозможность посторонней этической оценки может быть обусловлена анонимностью действия, его приватностью, неспособностью окружающих ни заметить, ни оценить тонких проявлений благородства, неведением о возможности посторонней оценки, привычным автоматизмом этичного поведения, или даже бесстрастным отношением к общественному мнению.

Моральные приличия – это нехитрые правила открытого, публичного поведения, соблюдение которых побуждается страхом перед нелестным мнением о себе (стыдом). Тогда как сферой нравственности является внутренний мир человека, его сознание, которое никак не контролируется окружающими, и является областью совершенной этической свободы. Человек может позволить себе быть таким какой он

есть только в условиях полной свободы. Свободное в своей скрытости мышление и отражает реальный нравственный образ человека, а вовсе не его внешняя моральная благопристойность.

Благородный человек и в мыслях сохраняет благородство, ему стыдно и думать подло, но если мы видим циничного, беспринципного пошляка, то можно легко предположить, что мысли его гораздо грязней его слов. Или как сказано в Писании: «от избытка сердца глаголют уста человеческие».

Лицемерие порождается несоответствием между приличием внешнего человека и его этически не очень чистым внутренним миром. Нравы моралиста неизбежно приобретают оттенок притворства, фальши, неискренности, чопорности, ханжества. Потому и не удивительно что понятия «мораль», «моралист» имеют в своём значении негативную окраску.

Человеку же с развитым нравственным чувством нет даже необходимости ориентироваться в своём поведении на приличия морали, потому что его естественное поведение этически выше общепринятых моральных норм. Потому нравственно ориентированный характер и обретает такие качества как естественность, простота, искренность, непринуждённость.

Привычка жить по совести, даёт возможность игнорировать приличия, как низкий и ненужный кодекс поведения. Привычка взаимодействовать с окружающими в соот-

ветствии со своими нравственными убеждениями освобождает человека от примитивной нормативности морали.

Хамы и невежи тоже бывает пренебрегают приличиями морали, но лучше бы они им следовали.

Для морали принципиально важны строго очерченные рамки поведения, рамки в которых совесть не нужна, ибо границы приличий и без неё чётко обозначены. В традициях общественной морали вполне приемлемы злословие, нетерпимость, высокомерие, презрительность, бездушность, беспринципность, злопамятность, мстительность, эгоизм, пошлость и другие подобные качества. А если эти качества служат целям кланового эгоизма, то они могут восприниматься и как добродетели.

Моральные нормы призваны обеспечить приемлемую поведенческую предсказуемость человека в обществе, они просты, поверхностны и подконтрольны окружению, соблюдая их, можно легко заслужить репутацию человека порядочного. Но приличный с виду человек легко может оказаться подонком. Так происходит, потому что общественная мораль и личная нравственность – это два совершенно разных этических кодекса.

Нравственный стиль поведения вовсе не в самоотверженных подвигах (хотя случается и такое). Нравственное поведение наполнено бессчётными и незаметными проявлениями благожелательности, искренности, деликатности, терпения, великодушия, скромности. Эти проявления обычно

столь органичны, что даже и не отмечаютя рассудком, просто остаётся впечатление что «человек хороший», а почему он хороший даже и непонятно.

Так же и «плохой человек» его проявления вроде и находятся в рамках приличий, но едва заметные оттенки беспринципности, озлобления, эгоистичности, лукавства, самодовольства, высокомерия, злословия оставляют какое-то неприятное впечатление даже у людей нравственно не очень чутких.

Нравственный самоконтроль гораздо глубже и тоньше морального, он обременителен и необязателен, а потому, личное нравственное чувство может легко переориентироваться на мнение окружающих. Но можно ли верить в порядочность человека, который заботится только о своей репутации?

Человек ориентированный на мнение окружающих способен принять сколь угодно дурные нравы, вплоть до фашистских, если они приняты в сообществе как морально нормативные, и совершить бесчестный поступок, или даже преступление, если есть вероятность того, что этот поступок не будет осуждён. И в криминальных сообществах имеются свои **моральные** нормы, и убеждённого преступника его окружение считает человеком порядочным, если он следует **моральным** правилам криминального мира.

Добродетельность морали, обусловленная страхом перед нелестным мнением окружающих, лицемерна и формальна, а потому и не заслуживает того, чтобы понятие добра к ней

применялось. Понятия добра и зла далее будут рассматриваться только как категории нравственного.

Трудности определения нравственного

Размышления о добре и зле традиционно приводят к мысли о том, что нравственные законы носят всеобщий и универсальный характер, однако сформулировать общепринятую концепцию нравственного так и не удалось. Что же не позволяет систематизировать нравственные понятия...

а) Разногласия во мнениях о добре и зле якобы свидетельствуют о том, что универсальных нравственных норм не существует.

Но многочисленность мнений, незнание, или заблуждение, никоим образом не могут свидетельствовать о том, что истины не существует. Если человек не знает таблицы Пифагора, или заблуждается относительно её значений, то это отнюдь не означает, что она не может существовать.

б) Смещение добра и зла человеческой воли, с добром и злом обстоятельств.

К понятиям добра и зла обычно также относят такие смысловые группы как: польза, выгода, удовольствие – добро; ущерб, страдание, недовольство – зло. Но в таком понимании добра и зла, даже преступление будет злом только для жертвы, для преступника же будет являться добром, а это очевидный абсурд в нравственном контексте.

Во избежание путаницы, добро и зло обстоятельств не

следует рассматривать в рамках нравственного. Ничего нравственного в пользе и выгоде нет, но в проявлениях воли ведущих к тому или иному результату, нравственная составляющая может присутствовать.

Добро и зло определяются в данной работе только как атрибуты человеческой воли, хотя бы потому, что рассмотрение в едином контексте человеческой подлости и к примеру, природных катаклизмов, выглядит как минимум странно.

в) Смещение понятий добра и зла с общепринятыми моральными нормами поведения (с условностями, приличиями, нравами, этикетом, обычаями).

Например, если Вы выйдете на улицу голым, как Вы привыкли это делать, прожив несколько лет в племени Мумба-Юмба, то зло будет не в вашей наготе, а в вашем вызывающем пренебрежении к чувствам окружающих, в которых Вы, вне всякого сомнения посеете смущение, смятение, возмущение, беспокойство за чувства детей... Если же таким образом поступит приехавший к Вам в гости вождь племени, незнакомый с нашими нравами, то в его действиях и вовсе не будет никакого зла. Он и не подумает, что может оскорбить чьи-то чувства своим видом. Но если он будет упорствовать в своём обычае щеголять голым по нашим улицам, то это уже будет с его стороны осознанным намерением попать чувства окружающих.

Попытка соотнести моральные традиции всех времён, народов и социальных групп с добром и злом, опять-таки при-

водит к выводу об относительности этих понятий. Тогда как на самом деле, общепринятые, моральные нормы поведения, принятые в том или ином сообществе, не имеют к добру (к нравственности) никакого отношения, но могут иногда его имитировать в показных и регламентированных формах.

г) Представление о нравственности, как о некоем наборе конкретных действий.

Но проявления (без)нравственного необычайно многообразны и могут достигать почти неуловимой психологической глубины. Любой межличностный контакт содержит нравственную составляющую, от сочувствия к страданиям собеседника и до желания ему смерти. Никакой перечень поведенческих норм не способен охватить все нравственно окрашенные проявления человеческой воли. Поэтому нравственное может быть определено или как общее направление характера воли, или как учитывающее все обстоятельства, частное определение к отдельно взятой ситуации, но не как исчерпывающий список нравственно правильных действий.

Заповеди «не убивай, не лжесвидетельствуй, не прелюбодействуй» являются нравственно верными ориентирами, но и соблюдая их можно быть отъявленным негодяем. В то же время, даже за убийство, совершённое в определённых обстоятельствах, человека могут и по закону и по совести совершенно справедливо оправдать.

д) Абсолютность нравственного.

Нравственный закон предъявляет человеку только макси-

мально высокие требования, и в отличие от морали не имеет каких-либо полунорм. Если человек хотя бы не пожертвовал всем, чем только может пожертвовать ради тех, кому очень плохо, то он, строго говоря, не может считаться нравственным человеком.

Невозможность совершенного соблюдения нравственных императивов ставит человека, вознамерившегося принять их к исполнению, в двусмысленное, нравственно уязвимое положение. Что вполне естественно вызывает и отторжение нравственных обязательств, и отрицание самой возможности их нормативного существования. Нравственное чувство не только не приводит к исполнению нравственных требований, но хуже того, ставит человека перед невозможностью их исполнить. Что порождает множество нравственных парадоксов и недоумений.

Однако не стоит излишне драматизировать безысходность нравственного чувства, хотя бы потому, что голос совести остаётся одинаково деликатным, как у негодяя, творящего откровенные подлости, так и у человека благородного.

е) Неопределённость предназначения нравственности.

Если не ясно каково предназначение нравственности, в чём заключается её социальная функция, то и суждения о нравственном, не могут быть полноценно обоснованными.

Нет ничего удивительного в том, что нравственные понятия испокон веков находятся в одной связке с моралью и правом, все эти поведенческие регламенты преследуют од-

ну и ту же цель – это поддержание порядка в обществе. Но если правовые нормы обеспечивают в обществе порядок материально практических отношений, а нормы морали порядок предсказуемого поведенческого единообразия, то следование нравственным нормам призвано привести общество в состояние совершенной социальной гармонии, основанной на всеобщей и взаимной благожелательности, уступчивости, сочувствии, терпении, великодушии... Предназначением нравственности является приведение любого сообщества к идеальной гармонии взаимоотношений, в отличие от обычного лицемерного и шаткого социального равновесия, основанного на страхе перед осуждением, наказанием, или даже физическим противодействием.

Безнравственное волеизъявление разрушительно для мира, согласия и социальной гармонии, что собственно и является злом. Нравственные же законы, являются законами совершенной социальной гармонии, такими же, какими для материи являются законы физические.

Классификация нравственного

Формировалась данная классификация на протяжении 20 лет, и хотя бы поэтому не следует сгоряча высказывать претензии по её структуре и полноте. Классификация содержит всего пять парных категорий, но следует помнить, что за каждым из этих обобщающих понятий стоит множество родственных проявлений воли, некоторые из которых указаны в скобках.

1). Любовь. – Эгоизм.

Любовь – (эмпатия, доброта, благожелательность, сострадательность, отзывчивость, сочувствие, гуманность, альтруизм).

Эгоизм – (безразличие к интересам и чувствам окружающих, бездушность, чёрствость, безжалостность).

2). Совесть. – Бессовестность.

Совесть – (честность, порядочность, добросовестность, благородство, справедливость).

Бессовестность – (бесчестность, непорядочность, недобросовестность, беспринципность, лукавство).

3). Скромность. – Гордость.

Скромность – (бесстрастное отношение к высоте своих достоинств, в религиозно философской традиции – смирение).

Гордость – (честолюбие, тщеславие, самодовольство,

наглость, высокомерие, презрительность, пренебрежительность, хвастовство).

4). Великодушие. – Гнев.

Великодушие – (снисходительность, уступчивость, прощение, терпимость).

Гнев – (раздражительность, конфликтность, вспыльчивость, нетерпимость, злословие, мстительность, злопамятность).

5). Умеренность. – Невоздержанность.

Умеренность – (воздержанность, бесстрашие, неприхотливость, терпение, непритязательность, аскетичность).

Невоздержанность – (неумеренность, прихотливость, жадность, алчность, капризность, пристрастность).

Не все нравственные понятия могут быть разделены строго по нравственным категориям, поскольку нравственные понятия могут обобщать целый комплекс (без)нравственных проявлений, или иметь не столь очевидную мотивационную природу чтобы их можно было вставить в перечень без дополнительных комментариев. Однако, высокая степень синонимичности основных нравственных понятий, свидетельствует о том, что всё многообразие проявлений (без)нравственного может быть сведено в достаточно компактную классификацию.

Определения добра и зла

Исходя из всего вышесказанного, можно дать следующие определения добру и злу.

а) Добро (нравственное) – это волеизъявление, направленное на сохранение интересов и чувств другого человека за счёт уступок и жертв (обычно самых незначительных) в сфере личных интересов, желаний и амбиций.

б) Зло (безнравственное) – это волеизъявление, направленное на попрание, или пренебрежение интересами и чувствами другого человека, в стремлении удовлетворить личные интересы, желания и амбиции.

О парадигматической истинности данных определений свидетельствует хотя бы их сообразность «золотым» правилам нравственности...

а) Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

б) Не делай другим того, чего не желал бы себе.

Рассмотрим основные нравственные категории более детально...

Любовь – ЭГОИЗМ

Проявления любви и ЭГОИЗМА

В зависимости от контекста, в религиозно философское понятие любви входят следующие смысловые составляющие...

- а) Эмпатия (сочувствие, сопереживание).
- б) Доброта (отзывчивость, щедрость, альтруизм).
- в) Симпатия (расположение, приязнь).
- г) Духовное влечение (стремление к общению, единению и братству).
- д) Сопереживание радости.

Телесное же влечение – эрос, следует всё же отнести к физиологическим потребностям, или если хотите к инстинктам, что отнюдь не мешает эросу сочетаться с любовью духовной, разумеется, если человек к ней способен.

Эгоизм – качество пассивное, оно не имеет побуждений и определяется лишь отсутствием консолидирующих качеств, присущих человеколюбию. Асоциальные проявления «чистого» эгоизма (аэмпатичности) обусловлены не стремлением к самоутверждению, как поведение гордыни, и не страстью к насыщению своих потребностей, как поведение неумеренности, но лишь его безразличием к интересам

и чувствам окружающих. Именно органическая неспособность к сочувствию является основой эгоистической недружественности. Но если эгоист к тому же движим страстными желаниями или гордыней, то социальная разрушительность эгоизма возрастает многократно.

Отсутствие качеств человеколюбия, автоматически подразумевает наличие в характере эгоиста, таких качеств как...

- а) Бессердечность, черствость, равнодушие.
- б) Немилосердность, жадность.
- в) Неблагожелательность, недружелюбие.
- г) Закрытость, обособленность, отчуждённость.
- д) Завистливость.

«Возлюби ближнего твоего как самого себя». Вряд ли эта главная заповедь христианства означает необходимость лицемерной (моральной) участливости. По сути, данная заповедь призывает человека стать эмпатом. Но возможно ли обрести эмпатическую сочувственность волевым усилием?

Органичное принятие всеми членами социума одной только этой заповеди, могло бы привести к совершенному согласию любое человеческое сообщество, хотя бы потому что эмпатия не позволяла бы никому попираť интересы и чувства окружающих. Любовь к ближнему, а как следствие равенство, или даже предпочтение его интересов – это единственно возможный способ нейтрализовать социальную разрушительность бездушного, а порой и жестокого эгоизма.

Если же чужие интересы и чужие чувства – пустой звук

для человека, то о каком мире и согласии может идти речь в таком социуме... Социальное согласие может быть достигнуто только в атмосфере всеобщей и взаимной значимости интересов и чувств окружающих. То есть, социальная гармония может быть достигнута только в любви.

В любви, чужая радость – это своя радость, а чужое страдание – свое страдание. Без любви же, чужая радость, это повод для зависти, а чужая беда – повод для злорадства.

Личными интересами жертвуют многие, но обычно только ради самых близких людей, при этом их радости переживаются как свои собственные. Человек, уравнивший свои интересы с интересами ближнего, приобретает возможность радоваться со всеми, с кем он уравнил свое «я». Соучастие в чужой радости и придает рациональный смысл заботе об интересах ближнего, ибо, чем больше человек будет приносить добра окружающим, тем больше радости будет и у него самого. Но если чужая радость не вызывает желания порадоваться за ближнего своего, то это уже скорей всего действие зависти.

Эмпатия

«Сострадание – основа всей морали».

Артур Шопенгауэр

Значимость и значение этой мысли скрываются за трагизмом слова «сострадание». Заменяем «сострадание» на его гораздо более «мягкий» синоним «эмпатия». Термин «эмпатия» ближе всего по значению к таким понятиям как сочувствие, сопереживание, но отличается от них отсутствием трагичности в своём значении, и как следствие, более широкой областью употребления.

Психологический дискомфорт, заслуживающий сочувствия, может быть обусловлен не только страданиями физическими, но и такими негативными эмоциями как: досада, неловкость, недовольство, неудовлетворённость, обида, отчаяние, разочарование, растерянность, страх, стыд, скука, тревога, уныние, чувство неполноценности. Не каждый и заметит такого рода страдания, а уж тем более посочувствует ближнему, который испытывает психологический дискомфорт из-за столь «ничтожных» причин.

Термин «эмпатия» используется не только в значении сочувствия, но и в значении чуткости к внутреннему миру ближнего, и даже проницательности. В тандеме эмпатия – проницательность первична именно эмпатия, именно привычка быть внимательным к внутреннему миру окружающих

делает человека проникательным, а не наоборот.

Необходимость даже минутной помощи ближнему, которая отвлекает эгоиста от «важных дел», способна повлечь крайнюю степень его раздражения. Но человек эмпатичный легко идёт ещё и не на такие издержки милосердия. А ради чего? Мотивация «моралиста» понятна – чтобы было видно какой ты добрый и отзывчивый, или даже в расчёте на благодарность. Но нравственная (бескорыстная) мотивация какова? Зачем человек сочувствует? Чтобы страдать? А зачем помогает? Чтобы претерпевать издержки и неудобства?

Человек всегда старается избегать издержек и неудобств за исключением тех случаев, когда он поступает нравственно. Но что заставляет поступать вопреки личным интересам и чувствам? Или эмпатия это инстинкт, у которого нет рациональных побуждений; волеизъявление, свидетельствующее о более высоком уровне бытия, нежели прагматизм нашего мира? Ведь если бы не было эмпатии, этого инстинкта Бога, то наш мир долго не протянул бы из-за отсутствия в нём доброты.

Эмпатичность – это способность тонко чувствовать и остро переживать психологический дискомфорт другого человека, способность отождествлять себя с другим человеком, ставить себя на его место. Эмпатичность определяет весь комплекс нравственного поведения человека именно её эмоциональной солидарностью с окружающими.

Эмпатичность проявляется как дружелюбность, пото-

му что психологический комфорт окружающих значим и ощути́м для эмпата почти так же, как и свой собственный. Спектр эмпатических реакций простирается от едва уловимых проявлений тактичности, до героической самоотверженности.

Эмпатия, в той или иной мере свойственна каждому человеку, однако степень эмпатичности у разных людей может очень сильно различаться. Иной раз и психопат может почувствовать кому-либо, но совершенно очевидно, что мера его эмпатичности не идёт ни в какое сравнение с эмпатичностью человека доброго.

Издержки и неудобства, которые приносит с собой доброта заставля́ет многих изживать её в своём характере, что и не удивительно, поскольку никакой очевидной, сиюминутной выгоды в доброте нет. Человек ориентированный только на свои желания и амбиции, легко пренебрегает и жертвует интересами и чувствами окружающих, хотя бы в силу своего эгоистичного понимания справедливости.

Соблюдать интересы окружающих предписывают так же и нормы морали. Но моральные нормы носят обязывающий, ситуационный, нормированный, формальный и лицемерный характер. Тогда как чистосердечность и многообразие эмпатических проявлений дружественности, не предусматривают, да и не могут предусмотреть, никакие поведенческие правила. Что лишней раз свидетельствует о принципиальном различии между нравственным и моральным.

Моральные нормы поведения прививаются человеку в процессе воспитания. Тогда как эмпатия, и другие нравственные императивы, являются качествами врождёнными. Это легко заметить на примере совсем маленьких детей, которым и растолковать-то невозможно смыслы моральных и нравственных понятий, однако иные дети добры, скромны и терпеливы, а другие наоборот, истеричны, эгоистичны и злы, хотя сами того не понимают, да и понять пока не могут. В психологии принято считать, что это у детей темперамент разный. У интеллигента и психопата тоже разные темпераменты, но в этом ли дело...

Клановый эгоизм

Во фразеологической традиции нет словосочетания «клановый эгоизм», и это очень странно, ибо явление это повсеместное, если не сказать – тотальное. Клановый эгоизм проявляется как попрание нравственного закона в угоду близким людям, клановым интересам. Клановые интересы связывают государства, этносы, сословия, сообщества, религиозные конфессии, родственников, знакомых, семьи... Предпочтительность клановых интересов определяется для человека лишь его близостью к тем или иным социальным группам.

Клановый эгоизм легко прощает «своим» любую несправедливость, если конечно она совершена против «чужих», «чужим» же клановый эгоизм не прощает ничего.

Клановые интересы как бы освобождают человека от необходимости соблюдать законы добра и справедливости, они как бы снимают с человека личную нравственную ответственность за бездушность, беспринципность, лукавство и жестокость эгоизма коллективного. Русская пословица определяет механизм этой ложной невинности следующим образом: «Где все виноваты, там никто не виноват».

Клановый эгоизм, ксенофобия и гордыня ведут к тем же проявлениям зла, что и личные пороки, но в силу их массовости они могут разрастаться до масштабов социальной ка-

тастрофы. Клановый эгоизм государства становится уже политической проблемой.

Сложность понимания слова «фашизм» определяется тем, что фашизм отождествляется с нацизмом (этническим клановым эгоизмом). Но фашизм, от итальянского *fascio* – союз, связка, объединение может быть основан на любой системе воззрений. Сама этимология слова «фашизм» свидетельствует о его тождественности клановому эгоизму.

И либеральная идеология может быть фашистской если она экспансивна, агрессивна и тоталитарна. И футбольный фан-клуб – это тоже небольшая фашистская организация, страстно исповедующая клановое превосходство. Клановый протекционизм (непотизм) как общепринятая традиция может разрастись до такой степени деструктивности, что порой приводит и к деградации государственности, в силу того, что к руководству политическими, экономическими и социальными институтами приходят люди неспособные к должному выполнению своих служебных обязанностей.

Вот что писали о клановом эгоизме некоторые мыслители...

«Имеется не только одиночный или индивидуальный эгоизм, но также и эгоизм социальный, эгоизм семейный, корпоративный, общинный, патриотический».

Л. Фейербах

«Разве эгоизм государства не такой же порок, как

эгоизм отдельного человека?»

К. Берне

«Не есть ли единение с десятками – разьединением с тысячами и миллионами?»

Л. Толстой

«Даже шайка разбойников должна соблюдать какие-то требования морали, чтоб остаться шайкой; они могут грабить весь мир, но не друг друга».

Р. Тагор

Ксенофобия – это проявление кланового эгоизма, это нетерпимость по отношению к чужим, иным, другим, к отличающимся, выделяющимся и непохожим. Беспочвенная на первый взгляд неприязнь к «чужим», порождается клановой гордостью, завистью, корыстными интересами, субъективным пониманием чужой неправоты и клановыми представлениями о должном. Но такие причины недружественности по отношению к «чужим» осознавать неприятно, а потому они всегда подменяются клановыми идеями справедливости.

Разумеется, предпочтительность интересов близких людей нельзя в полной мере считать клановым эгоизмом, но, по крайней мере, не следует приносить интересы «чужих» в жертву интересам «своих». Человек не может быть совершенным альтруистом, хотя бы потому, что и ему надо как-то выживать в этом мире, то же можно сказать и об интересах

социальной группы. И провести четкую границу между достаточным альтруизмом и неподобающим эгоизмом невозможно. Эту границу проводит каждый сам для себя, как ему совесть подсказывает.

Совесть – бессовестность

Любовь к ближнему – качество нестабильное. Иной раз и человек добрый может несправедливо или даже жестоко попрасть интересы и чувства ближнего своего, иногда сгоряча, а иногда соблазнившись предпочтительностью личных интересов. Но после чуть менее страстной оценки ситуации у обидчика, бывает, возникают чувства вины и неправоты. Такова обычная ситуация проявления совести.

Посочувствовать пострадавшим от чужого зла – дело нехитрое, тут даже доброта не требуется, достаточно и гордыни собственной праведности. Но посочувствовать тому, кто пострадал от твоего же собственного зла, возможно только с признанием своей неправоты, с отвержением личных интересов и гордыни, а потому это гораздо более трудная и высокая форма нравственного поведения нежели обычная доброта. Совесть – это та же любовь к ближнему (сочувствие), но отягощенная чувством своей вины перед ним, иногда вины косвенной, или даже последствиями не сделанного доброго дела.

В большинстве случаев совесть пресекает недобрые намерения превентивно, но страх перед осуждением и наказанием останавливает зло чаще. Страх эффективней совести в деле улучшения нравов, потому его и иногда и принимают за нравственное чувство. Но страх перед осуждением и наказа-

нием никак не влияет на нравственное состояние человека, а только на его обычай следовать нормам морали и закона.

Всякое человеческое взаимодействие нравственно окрашено. Даже мимолетное обращение к ближнему окрашено или скрытой неприязнью к нему, или стремлением эту неприязнь преодолеть, равнодушием или участием, благожелательностью или раздражением, деликатностью, пренебрежительностью, лукавством, великодушием, высокомерием... (Без)нравственные проявления – это неотъемлемая составляющая любого социального контакта.

Совість же позволяет различать в своих чувствах, мыслях, словах и поступках проявления зла, непорядочности, несправедливости, лукавства во всей их глубине и тонкости. Есть мнение, что голос совести – это голос Бога. И это очень похоже на правду, потому что совесть всегда требует поступать по-евангельски.

А ещё, во многих европейских языках слово «совість» происходит от словосочетания «совместное знание». Совесть, совместное ведение, общее знание. А какое еще знание должно быть органично присуще человеку, если Господь ничего не требует от человека кроме соблюдения нравственного закона...

Испытывать сопутствующие голосу совести чувства вины и неправоты унинительно для человеческой гордости, а потому человек избегает замечать зло в проявлениях своей воли, легко находит себе оправдания, а как следствие, утрачива-

ет и зоркость нравственного чувства, и способность к нравственному развитию.

Несовестливый может быть столь виртуозен в самооправдании, что может считать себя человеком порядочным, даже если у него руки будут по локоть в крови. Нравственная безнадежность человека несовестливого в том, что его нравственное самодовольство чистосердечно, он честен в своей нравственной слепоте.

У человека нет более доступного объекта для изучения тонких человеческих проявлений, чем он сам. Насколько глубоко человек понимает себя, настолько глубоко он понимает всех. Но человек несовестливый не способен различать в своём поведении все те демагогические уловки, которыми он оправдывает своё зло, свой эгоизм, свою несправедливость и беспринципность.

Несовестливый избегает объективного самопонимания, потому что не желает замечать, что его поведение зачастую определяется такими его качествами, как алчность, беспринципность, бессердечие, бесстыдство, высокомерие, гордыня, двуличие, жадность, жестокость, злопамятность, злобность, злорадство, зависть, интриганство, корыстолюбие, лживость, лукавство, льстивость, мелочность, малодушие, мстительность, нечестность, недоброжелательность, невоздержанность, недобросовестность, нетерпимость, неблагодарность, несправедливость, притворство, равнодушие, раздражительность, самодурство, самоуверенность, скупость,

сварливость, тщеславие, угодливость, упрямство, хвастовство и т. п.

Из-за нежелания замечать в себе эти и тому подобные проявления, человек искажает и ограничивает понимание самого себя, а как следствие он и окружающих воспринимает так же поверхностно примитивно, то есть как глупец.

Несовестливый или не замечает зла в проявлениях своей воли, или воспринимает его искаженно оправдательно, таким образом, человек утрачивает способность объективно понимать огромное количество тонких человеческих мотиваций и проявлений.

То, что человек живущий по совести воспринимает мудрость можно легко заметить на примере людей глубоко порядочных: они неизменно отличаются объективностью и тонкостью мышления. Люди же корыстные, злые, суетные, беспринципные, лукавые, пошлые всегда отличаются мышлением демагогичным и примитивным, ум таких человек – это их хитроумие.

Человек совестливый, замечает в себе все более сокровенные уровни лукавства, нравственного самообмана и беспринципности, замечает именно те свои побуждения и проявления воли, которые человеку и не хочется замечать, что дает человеку пронизательность и в понимании других людей.

Но пронизательность совести не ведет к осуждению окружающих, ибо чужая неправедность обязательно напомина-

ет совестливому о своей собственной. Несовестливый же напротив, всегда старается осудить других для того, чтобы выглядеть в своих глазах ещё лучше. Злословящий всегда стремится доказать одну и ту же мысль: «А вот я, хороший!».

Не замечать зло в проявлениях своей воли, поступать против совести и справедливости человека заставляют три фактора...

а) Аэмпатичность – безразличие к интересам и страданиям окружающих.

б) Гордость, для которой унижительны чувства вины и неправоты.

в) Неумеренность, для которой личные интересы превыше правды и справедливости.

Эта, казалось бы, простейшая структура пороков душающая совесть человеческую включает в себя весь спектр недружественного, социально деструктивного поведения. Эти базовые причины зла определяют всё многообразие безнравственных проявлений человека.

Именно аэмпатичность, гордость и неумеренность заставляют человека в ситуациях нравственного выбора подавлять свои нравственные рефлексии и фальсифицировать свою правоту демагогическими уловками самообмана.

В нравственно окрашенных ситуациях императивы совести всегда направлены против интересов, желаний и амбиций человека. Человеку не выгодно слышать голос совести, и в случае острой заинтересованности, человек может совер-

шенно искренне оправдать или вовсе не заметить в своих проявлениях сколь угодно страшное зло.

Совесьть – это единственный ориентир, следуя которому характер человека может исправляться сообразно нравственным законам, законам социальной гармонии. Преимущество человека совестливого заключается в том, что проявления его воли, становятся все более сообразными правилам добра, и как следствие, наносят все меньший ущерб социальному согласию.

Из великого множества, обычно незаметных даже самому человеку, нравственных предпочтений воли и формируется вектор нравственного роста человека. А выбор модели поведения в такого рода ситуациях всегда делает совесть.

Совестливость – это единственно возможный способ становиться добрей, честней, дружественней, великодушной. Но дело даже и не в нравственных качествах самих по себе, а в том, что характер человека совестливого становится социально дружественным.

Общество, идеология, Церковь подмешивают к нравственным законам множество моральных норм и правил, эти приличия обязывают «моралистов» стыдиться их нарушения. У человека же живущего по совести формируется этически достоверное представление о том, что такое хорошо и что такое плохо, что такое добро и зло. Обычай чувствовать вину в должной мере и за то, за что её действительно следует испытывать, освобождает человека нравственного от ответ-

ственности перед обществом за формальную благопристойность своего имиджа.

Скромность – гордость

Определение гордости

Гордость – это первичная и безотчётная потребность быть значительным, иначе – инстинкт значимости. Гордость является сильнейшим стимулом к самореализации и мотивацией к действию, но с другой стороны гордость невероятно разрушительна для социальной гармонии. В христианской традиции гордость представляется самым воплощением зла. Что, впрочем, и не удивительно, ну какие такие мир, любовь и согласие могут бытовать в сообществе, где все в той или иной форме претендуют на превосходство, первенство и доминирование.

Гордость проявляется как пристрастное отношение к высоте своих достоинств. Чтобы было понятно, что такое «пристрастное отношение к высоте своих достоинств», перечислим в общих чертах невероятно многообразные проявления гордости...

а) Комплекс неполноценности.

- Страх перед неодобрительной молвой, перед нелестным, пренебрежительным мнением о себе.
- Страх перед насмешкой, осуждением и презрением.
- Страдание из-за незначительности, ущербности, непол-

ноты своих достоинств.

- Мнительность, ранимость, застенчивость, обидчивость, страх публичности.

б) Комплекс демонстративности (тщеславие).

- Стремление быть объектом интереса и внимания.
- Стремление выделяться, отличаться, удивлять, производить впечатление.

- Стремление оставлять о себе память (хотя бы и негативную).

- Стремление к известности, популярности и славе.
- Гипертрофированная потребность в лестном мнении о себе.

- Бравлада, вычурность, позерство, хвастовство, эпатажность.

в) Комплекс доминирования (честолюбие).

- Стремление к лидерству, главенству и авторитетности.
- Неприятие чужой значимости, первенства и превосходства.

- Стремление контролировать, направлять, распоряжаться, руководить.

- Неприятие подчинения, ограничений, опеки, зависимости.

- Стремление влиять, поучать и убеждать.

- Неприятие чужих мнений, замечаний, возражений, критики и советов.

- Стремление превзойти, победить, опередить, стать пер-

ВЫМ.

- Неприятие превосходства чужих благ, достоинств и успехов (зависть).
- Высокомерие, пренебрежительность, надменность, самодовольство.

г) Комплекс агрессивности.

Агрессивность гордыни побуждается удовольствием от утверждения своего превосходства посредством грубого, демонстративного попра́ния чужого достоинства. Агрессия гордыни проявляется как стремление словом или делом унижить, оскорбить, опорочить; как грубость, хамство, язвительность, наглость, вызывающее поведение, циничность, презрительность, жестокость.

Само описание симптомокомплекса гордости является достаточным свидетельством её социальной деструктивности, то есть, её зла. Как видно из описания, пристрастное отношение к высоте своих достоинств (гордость) обладает огромным количеством реакций, проявлений и побуждений. А существует ли слово, обозначающее «бесстрастное отношение к высоте своих достоинств»?

К чести лексикографов, я по крайней мере дважды сталкивался с определением скромности именно в контексте «бесстрастное отношение к высоте своих достоинств». Хотя обычно главным смыслом в определениях скромности является «небогатство», что и неудивительно, потому что главные предметы гордости – это предметы благосостояния. Но у

гордости помимо богатства много и других статусных ценностей, например, заслуги, достижения, звания, таланты, успехи, первенство, независимость, бесстрашие, сила, модность, внешность, место жительства и множество других престижных предметов и обстоятельств, вплоть до совсем уж ничтожных.

Достоверность определения скромности как бесстрастного отношения к высоте своих достоинств, доказывается тем, что это качество противостоит всем перечисленным выше проявлениям гордости.

Понятно, что у «пристрастного отношения» много реакций и проявлений, но какие такие реакции могут быть у безразличия, у «бесстрастного отношения»? Какие могут быть проявления, когда отсутствуют побуждения как-либо реагировать?

А у скромности-то, оказывается, нет никаких проявлений. Оказывается, что скромность обнаруживается только как отсутствие привычных и повсеместных проявлений гордыни. Поэтому попытки дать определение тому, что никак не проявляется, и уводят мысль куда попало.

Проявления гордости представлены в языке полно и весьма многообразно, тогда как понятий, обозначающих проявления скромности в языке вообще не существует. Застенчивость и глазки долу – это отнюдь не скромность, хуже того, – это так же проявления гордости. «Неопределяемость» скромности обусловлена тем, что «бесстрастное отношение

к высоте своих достоинств» поведенчески настолько органично, что даже и не фиксируется в понятиях.

И хотя скромность никак не проявляется в силу своей поведенческой естественности, все же попытаемся немного восполнить этот понятийный пробел...

Бесстрастное отношение к высоте своих достоинств освобождает человека от необходимости притворяться, чтобы представляться в выгодном для себя свете, что позволяет ему быть естественным и непринужденным.

Бесстрастное отношение к высоте своих достоинств чувствует себя естественно, как на дне общества, так и среди его элиты. Чувства же гордеца при такой перемене ситуации меняются от презрительного высокомерия до чувства неполноценности.

Бесстрастное отношение к высоте своих достоинств благожелательно к обладателям меньшего социального статуса, гордость же лишь скрывает свое презрение к «ничтожествам» за лицемерной вежливостью, а при удобном случае даже и не скрывает.

Скромность сохраняет непринужденность отношений, ибо не обнаруживает неравенства, а также не стремится и не боится его обнаружить, тогда как гордость и зависть создают вокруг неравенства лицемерно-напряженное умолчание.

Скромность порождает взаимоуважение даже между хозяином и прислугой, тогда как гордость сеет неприязнь даже среди друзей.

Зависть – обратная сторона гордости

Гордость получает удовлетворение только в сравнении с меньшими достоинствами окружающих. При обнаружении у других больших достоинств, гордость оборачивается чувствами зависти, досады, неполноценности.

Стремление к предметам гордости – это скрытое стремление стать объектом зависти. Но за удовольствие смотреть «сверху вниз» с гордостью, человеку неизбежно приходится расплачиваться необходимостью смотреть «снизу вверх» с завистью. Зависть – это обратная сторона гордости, это страдание гордости, уязвленной превосходством чужих достоинств, благ, успехов.

Зависть унизительна, поскольку является болезненным для гордости признанием чужого превосходства, а потому зависть всегда скрывается, неосознанно замещаясь злословием, неприязнью, осуждением, осмеянием, ненавистью, направленными на объект зависти. А причины для недоброжелательности завистливый ум всегда находит.

Зависть всегда оправдывает свое негодование стремлением к справедливости, но как достичь справедливости, если у каждого завистника свои представления о ней? Вульгарное стремление к справедливости – это всего лишь стремление уязвленной гордости (зависти) уничтожить чужое превосходство, опустить возвысившихся до своего уровня.

Благородная, но утопичная идея социального равенства и справедливости издавна использовалась для разжигания ненависти и оправдания насилия, что порой приводило к огромным человеческим жертвам и перераспределению благ, но никогда не приводило ни к равенству, ни к справедливости. Потому что возвысившаяся зависть неизбежно обращается в гордость и уже презирает «меньших», вымещая свою прошлую униженность.

Чувство неравенства возникает не из-за имущественного, иерархического или какого-либо иного расслоения общества, но из-за неравенства в праве на уважение, которое определяется в иерархии гордости мерой причастности человека к статусным ценностям.

Обладатель высокого социального статуса, возможно, и не испытывает высокомерного пренебрежения к окружающим его «ничтожествам», но с недоброжелательностью зависти он столкнется непременно. Обладатель же низкого социального статуса, возможно, никому и не завидует, но с презрением, исходящим от некоторых «хозяев жизни», столкнется и он. Нравы общества очень сильно зависят от того напряжения, которое возникает между презрительным высокомерием, исходящим «сверху», и завистливой неприязнью, исходящей «снизу».

Чувство социального равенства может определяться только равенством в праве на уважение, но равенство в праве на уважение невозможно устроить для других (для всех), пото-

му что чья-либо гордость при любых условиях будет уязвлена чьим-либо превосходством. Равенство осознается и принимается только лично каждым, как признание всеобщего равенства по праву человеческого естества.

Чувство человеческого достоинства основано на чувстве равенства, тогда как чувство гордости основано на чувстве превосходства. Самоуважение человека складывается как из гордости, так и из достоинства, но чем выше человек ставит предметы гордости, тем менее у него остается уверенности в праве на беспричинное самоуважение, то есть на чувство достоинства.

Гордец определяет свое достоинство своей причастностью к статусным ценностям, и в случае их недостаточности испытывает чувство ущербности. Таким образом, гордость убивает в человеке чувство достоинства, которое способно сформироваться только через отвержение иерархической значимости статусных ценностей.

Гордость отвергает свое равенство с обладателями низкого социального статуса, но зато претендует на равенство с носителями статуса большего, что создает неразрешимое социальное противоречие. Неуважительное отношение гордости к «ничтожествам» неизбежно оборачивается для неё болезненно мнительным самолюбием, ибо человек произвольно переносит свое отношение к «меньшим» на отношение «большим» к себе. Уважительное же отношение к обладателям низкого социального статуса утверждает человека в чув-

стве достоинства перед «большими».

Сколь высокого статуса ни достиг бы гордец, он всегда будет страдать от недостатка собственной значимости, он всегда будет устремлен к признанию и возвышению. Безысходность гордости в ее ненасыщаемости. Разрастаясь, гордость стремится превзойти все. Исход гордости возможен разве что в претензии на место Бога, как это иногда и случается, если верить психиатрам.

Лицемерность гордости

Проявления чужого превосходства непроизвольно «унижают» гордыню окружающих. По одной этой причине бесстрастное отношение к высоте своих достоинств носит тотальный миротворческий характер.

Демонстративные проявления гордости обычно скрывают из-за страха нажать себе недругов, или дурную репутацию, или в соответствии с моральными нормами поведения. Но при этом чувства и эмоции гордости никуда не деваются, а потому гордость так или иначе проявляется в скрытых, вторичных формах. Коварство гордости заключается в том, что она оставаясь незаметной, разрушает мир, согласие и социальную гармонию своими косвенными проявлениями.

Изображать из себя человека с достоинствами куда как проще чем быть таковым в действительности, поэтому человек гордый вынужден непрестанно пребывать в состоянии лицемерности. Лицемерие становится естественным для человека настолько, что перестает распознаваться как некое лукавство. Лживая благопристойность становится настолько органичной человеку, что ее уже и не отделить от настоящего характера личности. Но в этом есть и некоторые плюсы, ведь если бы лицемер чистосердечно позволял себе быть хамом и подонком, то было бы еще хуже.

Честолюбец ищет лестного мнения о себе у окружаю-

щих и при этом испытывает к ним же скрытую недоброжелательность за свою зависимость от их мнения. Человек стремящийся к лестному мнению о себе утрачивает свободу быть самим собой, он становится марионеткой общественного мнения.

Если честолюбец, стремящийся к лестному мнению о себе, попадает в сообщество с бесчеловечными нравами, то он легко принимает их для того, чтобы завоевать уважение такого социума. А не принять дурные нравы или даже выступить против них означает обречь себя на презрение такого сообщества.

Но и борцам за правду и справедливость гордыня уготовила свое коварство. Моральное превосходство легко оборачивается гордыней превосходства над «тупым и порочным стадом». Гордыня морального превосходства делает человека самодовольным, высокомерным, презрительным, злым. Иные «борцы за правду» в упоении своим «благородством» бывают отвратительней конформистов.

Чтобы избежать падения под весом своего морального превосходства, не следует превозноситься над «греховодниками и соглашателями», а следует любить их, как любят неразумных детей, ну или как больных. Удивительно, но без любви благородство легко обращается в злое и глупое высокомерие. Поэтому поосторожней надо быть с праведным гневом, уважаемые борцы со злом. Тем более что и «тупое стадо» бывает правым.

Стыд честолюбия возникает, когда обнаруживается несостоятельность в том, что является для человека предметом его гордости, поэтому каждый предмет гордости налагает на человека бремя ответственности за соблюдение его положительного образа. Отсюда возникает тревога за благоприятное мнение о себе, которая проявляется в виде мнительности, обидчивости, подозрительности, ранимости, застенчивости, а такого рода проявления, уже и не определяются как проявления гордости.

Стыд же совести возникает из-за попрания своих нравственных убеждений в угоду своим интересам. Вот и в понятии стыда мы сталкиваемся с лукавством морали, подменяющей нравственные понятия.

Избежать ловушек гордыни, приводящих иной раз к очень тяжелым формам нравственной деградации, возможно только пренебрегая «авторскими правами» на свои достоинства и достижения, относя их на счет судьбы, случая, воспитания, участия других, врожденных способностей. Верующий же, памятуя о Божьей всепричинности, все свои достоинства и достижения должен считать вверенными ему «талантами», которые ему вменено реализовать.

Великодушные – гнев

Механизм конфликта

Конфликты бывают двух типов, это или конфликты материально практических интересов, или конфликты честолюбий. И если конфликт интересов прост и понятен, то механизм конфликта честолюбий не столь очевиден, поэтому рассмотрим его подробнее...

Человеку свойственно слепо оспаривать всё, что задевает его гордость. Превосходство чужой правоты, прав, убеждений, ума, силы... уязвляют гордость, что вызывает у человека стремление утвердить своё превосходство в конфликте, именно превосходство, а не вовсе не правоту и справедливость, даже если они объективно на его стороне.

Желание отомстить, ответить, оставить за собой последнее слово в конфликте – это всего лишь желание возместить ущерб нанесенный гордости проявлениями чужого превосходства, иногда просто кажущегося. Чужое превосходство, в той или иной степени всегда досадно для гордости, а потому человек гордый неосознанно реагирует на него неприязнью, злословием, осмеянием, осуждением, а в конфликтных ситуациях и насилием.

Гордость можно уязвить только в иерархии тех статусных

ценностей, которые значимы для человека. Например, если у девочки недостаточно модная кукла, то её честолюбие может быть легко задето насмешкой, или публичным вниманием к этому обстоятельству. Но попытка уязвить честолюбие взрослой женщины тем, что у неё нет модной игрушки, такого эффекта разумеется не возымеет. Каждая статусная ценность актуальная в данное время и в данной среде является условием способным породить конфликт честолюбий.

Честь честолюбия относится к категориям морали и определяется неприкосновенностью статусных ценностей человека. Честь же честности относится к категориям нравственного и определяется непротиворечивостью своих поступков со своей совестью. Таким образом, и двойственность такого понятия как «честь» свидетельствует о глубоком различии между нравственным и моральным.

Прощение – условие мира

Мир, согласие и социальная гармония всегда балансируют на грани между злом совершенным и злом прощенным. Если бы люди не прощали друг друга бессчетно, то рост взаимной ненависти вероятно уничтожил бы человечество.

Прощение – это единственный способ нейтрализации зла, возникающего в бесчисленных столкновениях человеческих интересов и амбиций. Прощение упраздняет зло, злопамятность его накапливает, мстительность – преумножает. Каждый человек «выпускает в мир» меру своего зла, прощая же, упраздняет меру зла чужого, соотношением этих мер и определяется его социальная дружелюбность.

Прощающий, утверждает тем самым и своё право на прощение, мстительный же отрицает и свое право быть прощённым в случае своей неправоты. Но в конфликтах обе стороны всегда считают себя правыми, а по логике хотя бы одна из сторон всегда не права. И это всегда не мы...

Добродетель великодушия заключается в способности прощать. Прощение – это не отступление слабости, не страх трусости и не лицемерное смирение. Суть прощения и великодушия заключается в отказе от претензий на утверждение своего превосходства в конфликте. Мир же затаившейся злопамятности, это мир на лезвии ножа.

Мера социальной дружелюбности человека не может

определяться по его отношению к своим друзьям и близким (тут и великодушия не надо, достаточно и приверженности идеалам кланового эгоизма). Социальная дружелюбность определяется по отношению человека к «чужим», а тем более по отношению к своим недругам, то есть, его великодушием, снисходительностью, уступчивостью и терпимостью по отношению к тем, кто особенно нуждается в этих наших качествах.

Нравственность насилия

Абсолютное, безоговорочное великодушие (уступчивость, снисходительность, терпение, прощение) не способно привести наш мир к социальному согласию, потому что полное непротивление злу неизбежно приведет к его воцарению.

Совсем уж очевидному и грубому злу противостоит сила закона и государства. Существование права само по себе свидетельствует о том, что не всякое зло заслуживает снисхождения. Но и не всякое зло подпадает под действие правовых норм. Существует множество агрессивных, недружественных форм поведения, до которых руки закона не дотягиваются. Грань между правонарушением и асоциальным поведением не очень четкая. А в этом правовом зазоре неэтичное поведение может быть весьма грубым, экспансивным и психологически очень тягостным.

Проблематичность известного тезиса «добро должно быть с кулаками» заключается лишь в том, что же следует считать добром, если каждый считает добром только свои собственные мнения, интересы и права. Своекорыстие, властолюбие, неприязнь, высокомерие, злопамятность, мелочность, мстительность, беспринципность, эгоистичность, зависть, жадность, гордость... имеют более всего претензий на утверждение своего «добра» насилием, но можно ли верить в спра-

ведливость целей, преследуемых такими чувствами и мотивациями?

Совесьть же в стремлении к справедливости не обманется беспринципностью.

Любовь в стремлении к справедливости не обманется эгоизмом.

Великодушные в стремлении к справедливости не обманутся мстительностью.

Скромность в стремлении к справедливости не обманется уязвлённой гордыней.

Аскетичность в стремлении к справедливости не обманется корыстью.

Объективность нравственности в конфликтной ситуации обусловлена тем, что она оценивает ситуацию по совести, а не по личным интересам и амбициям. Только человек, способный с истинным смирением подставить другую щеку, способен объективно оценить, когда дать в морду будет бóльшим благом, нежели проявить великодушные.

Для доброго человека конфликт противоестественен, применение насилия для такого человека является попранием своего естества. В этом залог справедливости, исходящей от доброты, терпения и смирения, даже если человек добрый оказывает весьма жесткое силовое противодействие.

Справедливость – категория сугубо нравственная и определять её способно только утончённое, бесстрастное нравственное чувство. Только нравственное мировоззрение спо-

собно обеспечить объективное понимание справедливости.

Уязвлённая гордость требует мести, но она может быть совершенно безучастна к чужим унижениям. Любовь же ранится страданием других, но отказывается от личной обиды ради мира. Заступничество требует от человека мужества и благородства, тогда как мстительность руководствуется лишь уязвлённой гордыней. Справедливость заступничества в его сторонней беспристрастности, тогда как личная месть алчна, слепа и разрушительна, а потому не следует увязывать моральность защиты Отечества, или другого человека, с моральностью права на личную месть.

Умеренность – невоздержанность

Безысходность невоздержанности

Невоздержанность – (неумеренность, жадность, прихотливость, алчность, пристрастие к чему-либо, капризность, сребролюбие). Даже это синонимическое описание комплекса невоздержанности является достаточным свидетельством социальной деструктивности этого человеческого качества.

Невоздержанность удобнее всего рассматривать через пристрастие к деньгам. Потому что пристрастие к деньгам – это не пристрастие к «разноцветным фантикам», это пристрастие к тому, что за них можно получить.

А желать богатства человека вынуждают...

1. Страх перед бедностью. Покой обеспеченности.
2. Неудобства бедности. Комфорт обеспеченности.
3. «Постыдность» бедности. Гордость обеспеченности.

Вот собственно и все причины любви к деньгам.

Богатство дает человеку обильную и вкусную пищу, чувство уверенности, комфорт и удовольствия, чувство гордости и «уважение» окружающих, радость за благополучие близких. То есть, богатство, казалось бы, дает человеку все необходимое для счастья, а потому и неудивительно, что богатство – это обычное олицетворение счастья, а стремление

к богатству является единственной целью жизни большинства людей.

Но никакое богатство не способно удовлетворить алчного, потому что его желаниям нет предела. Как нет предела совершенству, так нет предела и совершенству того, что человек невоздержанный мог бы хотеть. Исход человеческого стремления к богатству возможен разве что в безраздельной власти над всеми ресурсами мира.

Итог безудержного потребления находит своё олицетворение в известном эксперименте с крысой, в котором грызун, нажимая кнопку, получал удовольствие через вживленный в его мозг электрод. Крыса жала на кнопку до тех пор, пока не умирала от истощения. По сути, человек невоздержанный стремится именно к такому исходу в реализации своих желаний.

Если человек болен или голоден, то он страдает по объективным причинам. Если же человек не болен и не голоден, то желания превышающие эту меру благополучия, уже несут несчастье в самих себе.

Именно желание довольства, счастья и благополучия само по себе и является недовольством, несчастьем и неблагополучием. Желание – это чувство несчастья, и чем сильнее желание, тем сильнее страдание. То, что мы воспринимаем как неполноту нашей жизни, это обычно лишь страдание нашей неумеренности, которую невозможно удовлетворить, как невозможно потушить пожар соломой.

Чувствовать себя благополучным может только человек, бесстрастно относящийся к мере своего достатка. Не в деньгах счастье, а в их ненужности.

Предметы имущества служат человеку, но когда их становится слишком много, то тогда уже человек попадает в пожизненное услужение к своей собственности. Жизнь человека-стяжателя превращается в ограниченный смертью период накопления и заботы о своём имуществе. Стяжатель живет грядущим благополучием, но не «здесь и сейчас», потому что трудно радоваться сегодняшнему дню непрестанно заботясь о завтрашнем.

«Человек хотящий» иногда замечает безысходность жизни – стяжания, и начинает страдать от бессмысленности своего существования. Но стяжателю больше нечем наполнить свою жизнь, он безразличен к искусному и духовному, ибо прекрасное не несет в себе ни пользы, ни выгоды. Круг интересов стяжателя сужается до проблем прибыли, накопления и экономии, поэтому корыстолюбивый всегда примитивен, ограничен и прозаичен.

Корыстолюбие приносит богатство лишь единицам, но забирает жизнь у всех, кто подчинил ему свою волю. За деньги человек платит жизнью.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не у всех человек есть возможность проявить себя на каком-либо духовно-творческом поприще, в каком-нибудь бесполезном служении музам. А потому и не следует стро-

го судить человека, которому по жизни и заняться-то нечем кроме как положить свою жизнь на алтарь своего благополучия. Нравственная проблема стяжания лишь в том, а не принёс ли человек на этот алтарь в качестве жертвы свою честь, совесть и человечность.

Желания и нравственная деградация

Какой бы безобидной ни казалась естественная человеческая способность хотеть, следует помнить, что именно стремление к тому чего хочется является первопричиной всего зла человеческого – от мелких пакостей и до преступлений.

Неумеренность в желаниях подчиняет и волю, и совесть человека, делает его завистливым, раздражительным, эгоистичным, лицемерным, жестоким, а порой и просто опасным. Страсть к насыщению своих потребностей изживает в человеке доброту, поскольку всякое «да», сказанное другому, это «нет», сказанное себе.

«Человек хотящий» ненадежен как злая собака на тонкой цепи, и если гарантировать всем хотящим полную безнаказанность, то общество будет просто растерзано насилием и беззаконием. Но и без таких умозрительных крайностей очевидно, что господство желаний над совестью определяет меру человеческой недружественности и непорядочности. Как это ни странно, но задачей закона и права является именно ограничение человека в его стремлении реализовать свои желания любой ценой.

Порок неумеренности, как и любой другой, преодолевается всеми по-разному. Иной, чуть только преодолевает опасность голода, как тут же освобождается от пристрастного от-

ношения к деньгам, а иной душится за каждую копейку даже если у него полные сундуки и банки добра. И это было бы ещё пол беды, но человек алчный за каждую копейку душит и окружающих. Вспомним что большинство подлостей и преступлений имеют в своей основе именно материально практические интересы. Социальная гармония, мир и согласие в весьма значительной степени разрушаются человеческой неумеренностью, жадностью, прихотливостью.

Человек руководствующийся моралью не совершает зла для реализации своих желаний из страха перед осуждением и наказанием. А такой человек по сути не является честным, но лишь трусливым, слабым и лицемерным. В проявлениях человек показной, в желаниях – истинный. «Праведность страха» в традициях общественной морали истинна, но в рамках нравственности «праведность страха» – это обычное лицемерие.

Богатый обречен нести по жизни чувство неловкости перед теми, кому он мог бы помочь суммой, которая для него ничего не значит. Но нести по жизни моральную ответственность больших денег тяжело, проще скинуть ее вместе с чувством сопереживания. А человек, изживший в себе способность сочувствовать, обречен на нравственную деградацию.

Однако, добродетель умеренности отнюдь не подразумевает отказа от благополучия, добродетель умеренности не в страданиях нищенского существования, но лишь в бесстрастном отношении к мере своего благополучия. Зло не в

благополучии, но лишь в том, какой мерой беспринципности, бесчестности и жестокости человек готов заплатить за своё благоденствие.

Нравственно аскетической задачей человека является лишь сохранение своей чести и совести от нравственных издержек пристрастия к удовлетворению своих желаний. Суть аскетического баланса между желаниями и свободой от их диктатуры наиболее точно сформулировал апостол Павел: «Всё нам позволительно, но ни что не должно обладать нами».

В заключение

Лицемерие. – Искренность

Весьма обширная нравственная проблема «лицемерие – искренность» не является нравственно первичной, она является лишь следствием общего нравственного состояния личности. Лицемерие (лукавство, притворство, неискренность, лживость) свойственны человеку лишь в той мере, в какой человеку приходится скрывать свою безнравственность.

Например, человек беспринципный и бессовестный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать благородство и порядочность.

Человек злой и эгоистичный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать благожелательность и доброту.

Человек обидчивый и мстительный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать великодушие и снисходительность.

Человек жадный и корыстный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать щедрость и бескорыстие.

Человек высокомерный и тщеславный лицемерен лишь настолько, насколько ему приходится изображать скром-

ность.

Мера лицемерности человека определяется его нравственным состоянием. И если человек, живущий по совести, может себе позволить быть самим собой, то человек нравственно нездоровый вынужден непрестанно практиковать лицемерие. И эти два типажа на первый взгляд ничем не различаются. Потому и бытует мнение, что люди в нравственном плане примерно одинаковы, но это равенство очень обманчиво. Даже Чикатило с виду ничем не отличался от простодушного советского интеллигента.

Если бы страх перед общественным мнением не вынуждал лицемеров представляться людьми порядочными, то общественные нравы вероятно опустились бы до грани уголовного кодекса. Общественная мораль – это формальный кодекс поведения, но он по крайней мере принуждает человека к приемлемому поведению в рамках моральных норм, которые приняты в том или ином сообществе. Плохо что эти приличия обычно воспринимаются как кодекс этической безупречности.

Нравственное состояние человека определяется не тем, что он говорит и делает, а тем, что он не может открыто себе позволить. Человек нравственный удерживается от зла главным образом своими нравственными убеждениями, человек же моральный – страхом перед наказанием и дурным мнением о себе.

Человек не может быть искренним, не изжив тех качеств,

которые ему приходится скрывать. Все те проявления характера, которые человек вынужден прятать, накладывают на человеческое поведение отпечаток фальшивости. Мера же этой фальши определяется и искусностью человеческого притворства, и масштабом безнравственности, которую человеку приходится прятать за своей благопристойностью.

Лицемер, производящий впечатление вполне приличного человека, в кризисной ситуации может открыться с очень неожиданной стороны и сильно удивить низким моральным уровнем своих действий и суждений. Злая воля, разрушающая внутренний мир человека приватна, но она неизбежно изливается на окружающих, когда приходит время. Моральность, движимая выгодой и страхом, прекращает своё существование, как только перестает приносить пользу, в этом этическая слабость морали.